

Прохладный, свежий аромат, исходивший от даосского наставника Сюаньчэня, был особенно приятен. Сюй Яньцин чувствовал себя, словно голодный кот, наконец-то добравшийся до давно желанной вяленой рыбки, — он по-настоящему смаковал это ощущение.

Инь Яньцзюнь стоял на коленях на циновке, позволяя молодому господину лежать у него на ногах — одна рука мягко поглаживала нежную шею юноши.

Сюй Яньцин пошевелился и всем телом прильнул к объятиям даосского наставника, крепко сжимая в пальцах его пепельно-серый плащ.

Та странная, необъяснимая тревога постепенно утихала под успокаивающим прикосновением наставника. Сюй Яньцин почувствовал, как на него накатывает волна усталости, и, погружаясь в дрему, уютно устроился в его объятиях.

К тому моменту, когда Инь Яньцзюнь прекратил движения рукой, молодой господин в его объятиях уже крепко спал.

Подошёл Вэнь Цзин:

— Ваше Величество, молодой господин Сюй...

Словно потревоженный голосом Вэнь Цзина, Сюй Яньцин поднял руку и прикрыл ухо, после чего ещё сильнее прижался к Инь Яньцзюню, как будто хотел полностью спрятаться в его объятиях.

Инь Яньцзюнь опустил взгляд, посмотрел на безмятежное спящее лицо юноши в своих руках. Он тихо вздохнул, а затем, не говоря ни слова, поднял его на руки.

Когда Сюй Яньцин проснулся, он уже лежал на кровати в своей комнате. За окном едва занимался рассвет. Сегодня он проснулся очень рано, но чувствовал себя необычайно бодрым.

Жар в затылке исчез, будто то, что донимало его почти каждый день, вовсе никогда и не происходило. Сюй Яньцин с удовольствием перевернулся на бок — и в тот же миг воспоминания о прошлой ночи хлынули в его сознание.

С глухим "бух" Сюй Яньцин, только что повернувшийся, вновь рухнул на кровать, мгновенно застыл, напрягшись всем телом. Что же он такое натворил прошлой ночью? Он ведь действительно пробрался в чужой двор, как последний распущенный развратник, чтобы приставать к добродетельному и целомудренному монаху!

И он был настолько дерзок, что перелез через стену, чтобы дразнить его. Так что же, теперь даже стена уже не в силах остановить извращение, которое он так старательно подавлял в себе?

Сюй Яньцин уставился на свои руки, с мучительным желанием их укусить. Именно эти грешные руки без стыда трогали и гладили лицо даосского наставника. Только благодаря его добродушию его не вышвырнули на месте.

— Ай~ — он закрыл лицо ладонями. Ему было стыдно показаться на глаза. Это было чересчур грешно!

Предаваясь мыслям о произошедшем, Сюй Яньцин долго не вставал с постели. Когда на улице уже окончательно рассвело, он, только выбравшись из-под одеяла, заметил у изножья кровати

кусок пепельно-серой ткани.

Он протянул руку и вытащил ткань из-под края одеяла. Это был плащ, сшитый из превосходного материала, с белым воротником и золотыми застёжками. Он выглядел элегантно и сдержанно — в точности отражая своего владельца.

Но почему одежда даосского наставника оказалась у него в постели? Сюй Яньцин сжал угол плаща в руке, на миг растерянно замер.

— Молодой господин, вы уже проснулись? — Мую мягко окликнул его снаружи, неся в руках таз с водой.

Сюй Яньцин поспешно свернул пепельно-серый плащ и сунул его в шкаф, прежде чем разрешить Мую войти.

Мую, разумеется, не знал, что его молодой господин прошлой ночью лазал через стены, а затем был отправлен обратно. Он вошёл с тазом воды и начал помогать Сюй Яньцину умываться:

— Молодой господин, у вас сегодня прямо-таки румянец на лице. Что-то радостное случилось?

Румянец? Сюй Яньцин невольно коснулся затылка. Честно говоря, после ночного отдыха он действительно чувствовал себя бодрее. Казалось, будто мог сейчас пойти на стройку и таскать кирпичи без усталости.

Но в Даляне не было стройки, где можно было бы потаскать кирпичи, поэтому Сюй Яньцин продолжил с удовольствием разваливаться в кресле-качалке во дворе, читая рассказы.

Кресло-качалка скрипело, словно жалуясь на вчерашний пинок от Сюй Яньцина.

Взгляд Сюй Яньцина скользнул к стене соседнего двора. В этот момент его редко проявляющееся любопытство немного оживилось. Судя по необычному облику даосского наставника, тот определённо был не из простых.

Если бы он оказался обычным даосом, может, его и «приютить» удалось бы... Тогда, глядишь, и чувства бы появились. Возможно, у него тоже появился бы свой спутник жизни.

— Эх... — вздохнув с досадой, Сюй Яньцин почувствовал, будто только что потерял идеального партнёра.

— Что случилось? — во двор вошёл Сюй Сянчжи в короткой куртке, бодрый и энергичный. — Ты в Юньшуйюане живёшь как у Христа за пазухой, а вздыхаешь так, словно на тебя мир обрушился?

Он протянул руку, поднял шуплого брата и усадил на соседний стул, сам же с удовольствием развалился в кресле-качалке, вызываясь глядя на надувшегося Сюй Яньцина.

— Я тебя ругаю, а у тебя лицо не тонкое, чего тогда тело такое дохлое? — раскачивая кресло, Сюй Сянчжи усмехнулся.

Сюй Яньцин, пребывая сегодня в редком хорошем настроении, не стал с ним пререкаться. Он поднял руку и потрогал талию:

— Братец, у тебя точно со зрением что-то. Я же явно поправился.

— Ты вот это называешь "поправился"? — Сюй Сянчжи не сдержался, цокнул языком и покачал головой. — С твоим болезненным видом — закинь тебя в военный лагерь, и даже самый хилый повар одним пальцем тебя уложит.

Сюй Яньцин лениво развалился в кресле и не собирался спорить — в конце концов, солёной рыбине не положено переворачиваться. Разве не счастье — просто удобно лежать?

— Ладно, не буду с тобой пререкаться. — Сюй Сянчжи встал из кресла. Оно показалось ему слишком мягким — не сравнить с его дощатой кроватью. — Мать говорит, ты уже достаточно насиделся вне дома, так что собирай вещи и возвращайся. А не соберёшься — она сама за тобой придёт и утащит обратно в особняк.

С этими словами он снова протянул свою большую ладонь и растрепал волосы брата, превратив аккуратную причёску Сюй Яньцина в настоящее гнездо. Затем добавил:

— Откуда у тебя эта деревянная заколка? Раньше на тебе её не видел.

— Украл, — буркнул Сюй Яньцин и сердито прижал ладонями волосы.

— С каждым днём ты становишься всё хуже, — Сюй Сянчжи, конечно, не придавал значения такому ответу. Ему была не так уж интересна заколка — просто хотелось найти повод приблизиться к брату. — Слышал, что я сказал? Быстро иди собираться.

— Мую и так всё соберёт. Я просто пойду с тобой, братец, — Сюй Яньцин неторопливо начал приводить в порядок растрёпанные волосы. Он и правда слишком долго жил вне дома. Если бы остался ещё, то даже не дожидаясь приезда матери, вспыльчивый отец уже бы наверняка прибыл лично.

Услышав слова молодого господина, Мую тут же откликнулся и уже было собрался бежать в комнату, чтобы упаковать багаж.

Но Сюй Яньцин вдруг вспомнил про плащ, спрятанный в шкафу, и поспешно окликнул его, чтобы остановить:

— Не надо, я сам соберу. Братец, подожди меня немного.

Мую хоть и слегка удивился, всё же послушно остановился. Сюй Яньцин тут же велел ему заняться другими делами, тем самым временно избавившись от его присутствия.

На деле, в поместье Уан-хоуна и так хватало повседневной одежды, так что собирать особо было нечего. С чуть смущённым выражением лица Сюй Яньцин достал из шкафа пепельно-серый плащ и на миг замер в нерешительности, не зная, что с ним делать.

От плаща исходил лёгкий, прохладный и благородный аромат сандала, свойственный самому даосскому наставнику — чрезвычайно приятный. Сюй Яньцин моргнул, и, не удержавшись, поднёс рукав плаща к лицу и нежно потер его в ладонях.

Наконец, будто внезапно потеряв над собой контроль, он запихнул плащ в узел с вещами. А заодно прихватил пару недочитанных книжек с рассказами.

Снаружи, из-за занавески кареты, Сюй Сянчжи с насмешливой улыбкой взглянул на узел в руках брата и усмехнулся:

— Что же там у тебя такого важного, что даже сам собирать взялся? Не иначе, как кого-то приметил в монастыре и обменялся с ним вещами на память?

Впервые в жизни Сюй Яньцин почувствовал, насколько утомителен его старший брат. Солёная рыбина выразила полное нежелание с ним общаться и просто решительно опустила занавес, оборвав на себе его пронизывающий взгляд.

Увидев, как брат замялся от его слов, Сюй Сянчжи не удержался и рассмеялся в полный голос прямо верхом, чем довёл Сюй Яньцина до того, что тот едва не пожелал из вредности отдубасить его. Правда, с его силами он бы, скорее всего, не нанёс и одного удара.

Карета постепенно удалялась, и во дворе Юньшуйюаня сразу стало тихо. Сквозь листву деревьев проникал утренний свет, ложась на фигуру Инь Яньцзюня. Он мягко освещал его холодное и отстранённое лицо, придавая ему лёгкое тепло. С прохладой уходила и та возвышенная неприступность, и в этот миг он больше походил на небесное божество, восседающее на алтаре и вззирающее на людской мир свысока.

— С Его Величеством что-то случилось? — осторожно поинтересовался Инь Юаньчэн. Последние несколько дней он был занят поручениями, данными лично императором, и не появлялся в дворике, чтобы служить с кистью и чернилами. Вернувшись, он почувствовал в Инь Яньцзюне какое-то едва уловимое изменение.

Уэнь Цзин стоял в стороне с почтительным видом, в его взгляде скользнул намёк на понимание, но он лишь тихо ответил:

— Его Величество, вероятно, размышляет о делах государства.

Инь Юаньчэн долго размышлял, но так и не пришёл к выводу. В этот момент из внутреннего дворика его окликнули по имени. Он поспешил вперёд и один за другим начал докладывать выполненные поручения.

Сюй Яньцин страдал от лёгкой укачки в дороге. К счастью, на этот раз Мую заранее подготовил для него кислые сливы, вываренные в золотистом мёде. Угощение пришлось по вкусу, и вскоре в карете уже лежала целая горка косточек.

К тому же гора Цинлин находилась недалеко от столицы, так что на этот раз Сюй Яньцину было значительно легче, чем в прошлую поездку, когда он едва мог распрямиться от усталости.

Когда они въехали в городские ворота, Сюй Яньцин услышал, как брат весело перекидывается фразами с городскими стражниками, и только усталое вздохнул. В столице, как ни крути, людей слишком много — а где много людей, там и общаться приходится чаще. А Сюй Яньцин был, пожалуй, самым бездарным человеком в области человеческих взаимоотношений.

Карета покачивалась и, наконец, прибыла к поместью Уан-хоуна. Мую помог спуститься своему молодому господину, тот выглядел изрядно потерянным. Сюй Сянчжи нахмурился, спрыгнул с лошади и подошёл:

— Что с молодым господином?

Он спросил у Мую, который почтительно ответил:

— В последнее время у молодого господина неожиданно появилась укачка. Сейчас у него

закружилась голова и подступает тошнота.

Хмурые брови Сюй Сянчжи не разгладились ни на миг. Младшего брата с детства баловали отец и мать, и раньше при малейшей хворости он поднимал целую бурю. А теперь, с таким видом — словно подвядшая капуста, — сердце не могло не сжаться.

Этот брат, что всегда заботился о нём, сейчас особенно остро чувствовал тревогу.

<http://bllate.org/book/12638/1120922>